

УДК81-112.2

УСЛОВНАЯ СЕМАНТИКА В ПРАГМАТИКЕ ДРЕВНЕРУССКОГО АВТОРА**Кадырова Г.Р.***Казахский национальный педагогический университет имени Абая,
Алматы, e-mail: rabikovna@mail.ru*

В данной статье прослеживается эволюция семантической структуры языка на основе анализа памятников письменности периода XV–XVI вв. В контексте прагматики исследуемого периода значимым оказывается фигура говорящего, монолог которого приобретает личностное авторское начало. Это ведет к формированию в памятниках письменности конструкций, близких к разговорному повествованию, унаследованных из устной разговорной речи древнерусского человека. Они характеризуются разнообразием модальных характеристик, одной из которых является условная семантика в сложных конструкциях. Поскольку дискурсивная практика предполагает текст, то в данной статье он рассматривается как речевой акт, в основе которого лежат монологи «избранных», использующих сложное предложение с придаточной условной частью. Автор статьи путем анализа фактического материала показывает, что в период XVI в. происходит становление гипотетической семантики, способной передавать возможные миры как альтернативные пространства бытия личности.

Ключевые слова: условная семантика, древнерусский дискурс, древнерусский автор, личностное авторское начало, письменные конструкции, гипотетическая семантика

**CONDITIONAL SEMANTICS IN THE PRAGMATICS
OF ANCIENT RUSSIAN AUTHOR****Kadyrova G.R.***Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, e-mail: rabikovna@mail.ru*

This article traces the evolution of the semantic structure of a language based on the analysis of written period of the XV–XVI centuries. In the context of pragmatic study period is a significant figure of the speaker's monologue which acquires personal copyright beginning. This leads to the formation of written materials structures close to the spoken narrative inherited from oral speaking of old Russian man. They are characterized by a variety of modal characteristics, one of which is conditional semantics in complex structures. As a discursive practice involves text, in this article it is considered as a speech act, which is based on monologues «chosen» using complex sentence with paranasal conditional part. Author Article by analyzing actual data shows that during the XVI century is becoming a hypothetical semantics, capable of transmitting possible worlds as alternative spaces of being a person.

Keywords: conditional semantics, discourse old Russian, ancient Russian author, personal copyright beginning, written design hypothetical semantics

Эволюция семантической структуры языка определяется целым рядом факторов: идеологическим, когнитивным, ментальным, концептуальным, прагматическим. В контексте прагматики значимым оказывается фигура говорящего. По отношению к древнерусским текстам периода XV–XVI вв. следует говорить о древнерусском книжнике в совокупности с другими вышеобозначенными факторами. Социальная направленность образуемых в результате этой совокупности текстов предопределяет формирование древнерусского дискурса.

Цель исследования

Согласно В.В. Колесову, прагматический параметр данной эпохи выражается в монологе избранных [1, с. 15]. Это проявилось в преобразовании уничтожения авторского «я», характерного для предшествующего периода, в актуализацию личностного авторского начала.

Монолог избранных, по Колесову, к которым принадлежит древнерусский автор,

в рассматриваемый период в то же время предопределяет диалогичность, стремление сблизиться с читателем. Это ведет к формированию в памятниках письменности конструкций, близких к разговорному повествованию, унаследованных из устной разговорной речи древнерусского человека. Они характеризуются разнообразием модальных характеристик, одной из которых является условная семантика в сложных конструкциях.

В форме устного диалогического повествования представлена речь выдающегося ученого и мыслителя Аристотеля, направленная к царю Александру в произведении «Тайная Тайных». Поучительная речь Аристотеля основана на изложении целого ряда примет, которые помогут царю Александру действовать в тех или иных условиях. Эти приметы излагаются, когда говорящий рассуждает о послах, о военных, о витязях, о сборщиках дани, о слугах, а также внешних чертах человека. Это верные приметы, и их неприятие влечет за собой плохие по-

следствия. С целью актуализации этой мысли автор использует сложное предложение с придаточной условной частью: *А не будешь ли мил сим написанным – не будешь милъ ничим иным* [ТТ, 538].

Как свидетельствует приведенный пример, первая предикативная часть выражает условное значение. При этом условная семантика усиливается за счет включения в ее состав частицы *ли*, которая явилась источником будущего условного союза *если*. В исследуемом произведении данная частица последовательно используется в речи автора произведения.

Материалы и методы исследования

В произведении представлено два вида конструкций. Первый вид включает условную придаточную часть, сопровождаемую главной частью повествовательного характера: *а не будет ли сяковъ, отженеть от тебъ народ* [ТТ, 570]. *А смъют ли говорить о тобъ лихо, смеють учинити* [ТТ, 548]; *А будет ли близьских ко царю, подобаетъ отдалити его от беды царское* [ТТ, 548]. Примеры такого рода построений отмечаем также в других произведениях рассматриваемого периода: *а не каеться и не плачетца о гресе своем и о вине, то уж наказание жестоко надобет* [Д, 69].

Во втором виде конструкций при идентичной придаточной части имеем главную, представляющую собой предложение побудительного характера, в котором излагается совет царю: *а может ли ти ся стати тобъ, чтобы еси спалъ убранъ – чинити тое* [ТТ, 578]; *А будет ли воеватися с тыми, кто выйдеть к тобъ на полъ, но заставляйся щиты надежными* [ТТ, 580]; *А будет ли годно досмотрети его и наказати на то, и ты откажи и напиши его на другой стороне того же листа* [ТТ, 576]; *а не оставит ли лихого обычая – и скажи его явно пред братиею его, а не оставит и – пусти его прочь* [ТТ, 576]; *будешь ли потребенъ до ста или до десятка, указуй тым, кто над тыми* [ТТ, 576]; *И всякий листъ прочти его пред правителем сваим, будет ли о военном деле* [ТТ, 576]; *Радит ли тобъ выдавати что во скарбех, буди се легко во очи твоих* [ТТ, 562]; *А справит ли того, что добыл у тебе накладаючи на полепшение твое, вЪдай, иже дастъ и живот свой за тебъ* [ТТ, 562].

Подобные конструкции отмечаются также в других произведениях. В частности, они характерны для «Домостроя», где даются советы, как действовать в том или ином случае, например: *А лучитца у кого кая ссуда взяти, или свое дати... ино пересмотри, и нового и ветшаного* [Д, 62]; *А купит у кого что ни буди много ли, мало ли, у приездего ли гостя или у християн или у домашнего торгового человека, полюбовно, а денги плати вруч* [Д, 69].

В этом же произведении встречаются высказывания, представляющие собой вариативную главную часть при идентичной придаточной. Вариативность первой состоит в том, что совет, передаваемый формой повелительного наклонения в предыдущих конструкциях, излагается имплицитно, а эксплицируется значение желания, выражаемое формой сослагательного наклонения: *И увидит муж, что не-*

порядливо у жены и у слуг, или не по тому о всем, что в сеи памяти писано, ино бы умел свою жену наказывати [Д, 68].

Третий вид сложных конструкций, включающих предикативные части с условными смысловыми отношениями, не оформленными специальными союзами, отмечается в других произведениях народно-литературного типа языка. Он представлен главной частью вопросительного характера: *а только бы мы ведали, кое ты жив, и нам было твоей жены лзя ли просити?* [ПИГр, 150].

Помимо изложения предполагаемых действий, выражаемых в условной придаточной части сложных предложений, предположение может отмечаться при передаче внешних характеристик субъекта речи. Данные структуры представляют собой второй вид рассматриваемых конструкций, включающих побудительные предложения. В этих случаях условное значение также усиливается за счет использования говорящим частицы *ли*: *Над всем будет ли во очию его значение добра предреченная, а посмотришь на него, и онъ на тебъ бестыдно и без боязни – сесь держитъ тя за мало и ревнуетъ тобъ, – не верь ему* [ТТ, 586]; *А будет ли еще к сему еще широкочел, и скудобород, и влас главы его густъ, стережися его* [ТТ, 584].

Анализ приведенных примеров свидетельствует об изображении в условной придаточной части возможного мира.

При использовании нескольких условных придаточных частей говорящему удается передать несколько возможных миров, трансформация которых в реальный мир предполагает следование единому совету. В этом случае избирательность одного из изображаемых событий выражается посредством разделительного союза *или*: *будет по верху или по низу, или будетъ под землею крыется, или будетъ вЪтры ее провЪвают, подобает же тамо усмотряти* [Н., 149].

Интерес представляют сложные предложения, в которых придаточная условная часть с компонентом *ли* сопровождается другой придаточной частью с целевым значением. Главная часть при этом представлена имплицитно и не имеет вербального выражения. Содержание ее вытекает из информации, которая заключена в придаточной целевой части: *А захотел ли у них нечего, и присылали ему жонкы красные, дабы ся открыла тайница его* [ТТ, 572]; *А не будет ли свершень оным предреченым, но досьть нам, чтобы был верень* [ТТ, 570]; *А не будет ли сяковъ, ино толко бы верень былъ и донесль бы листы твои, да кого посылаешъ его, и чтобы принесль тобъ отвЪт вЪрный* [ТТ, 572].

Как показывает иллюстративный материал, что частица *ли* употребляется непосредственно в постпозиции к глаголу. Это могут быть глаголы модального характера типа *захотети* либо глагол нейтральной семантики *быти* в значении будущего времени. Думается, использование конструкции *будет ли* послужило основой для развития конструкции *есть ли*, в которой глагол *быти* также выражен формой 3-го лица, но не будущего, а настоящего времени *есть*. Употребление данной формы позволяет говорящему передать возможный мир как предполагаемое в настоящем плане событие, а частица *ли* – поставить вопрос, существует ли это событие на самом деле. С течением времени конструкция асемантизируется, поскольку, представляя собой своеобразное фразеосочетание, она характеризуется семантическим един-

ством составляющих ее компонентов. Расчлененная семантика конструкции трансформируется в сему предполагаемого условия, что графически выразилось в написании ее составляющих как единого слова *еслили*. Эта сема позволяет использовать данное слово в абсолютном начале условной придаточной части сложноподчиненных предложений в качестве союза, соединяющего предикативные части и выражающего условные отношения между ними.

Таким образом, придаточная условная часть с компонентом *ли* в сочетании с глаголом *есть* обуславливает семантический план становления из этого сочетания союза с условным значением *если*, который в русском литературном языке с течением времени займет преобладающее положение и полностью вытеснит древнерусский союз с условным значением *аще*. Отметим, однако, что союз *если* в памятниках рассматриваемого периода зафиксирован лишь спорадически. В качестве союза употребляется вариант *еслили*: *И так рече Петръ, волоский воевода: «Да еслили хотѣти царской мудрости отвѣдати о воинствѣ и о уставе жития царского, ино прочести взятие греческое до конца [Соч.Ив. Пересв., 602]; А еслили то сами не можете, скажите мнѣ [ТТ, 544].*

Результаты исследований и их обсуждения

Приведенные примеры показывают, что союз *еслили* употребляется в особом жанре литературы XVI в. – в проектах сочинений Ивана Пересветова, известного публициста этого периода, приехавшего в Россию из-за границы для осуществления преобразований в русском государстве, в частности военных реформ. Таким образом, развиваемый из разговорной частицы *ли* союз *еслили* (*если*) отличается книжным характером и употребляется первоначально в публицистических сочинениях.

Конструкции с условными отношениями предикативных частей разговорного характера в период XV–XVI вв. могут по-прежнему оформляться посредством бессоюзной смысловой связи. Трудно поэтому согласиться с мнением Т.П. Ломтева, который утверждает, что грамматическая связь однородного следования неоднородных предикативных частей (в терминологии ученого: предложений) является следствием «примитивной культуры, когда единственной формой общения людей был устный диалог». С развитием культуры и разнообразных форм общения, согласно исследователю, такая связь «уже не удовлетворяла потребностей взаимопонимания» [2, с. 488]. Иными словами, развитие союзной связи в сложных предложениях с условной придаточной частью Т.П. Ломтев справедливо усматривает в прагматике говорящего. Вместе с тем, по нашему мнению, прагматический характер эта связь приобретает не вследствие после-

дующего более высокого этапа культуры, а в зависимости от условий и целей общения. Если для публициста в его сочинениях важно вычленивать условную часть высказывания с помощью союза, то в условиях речевого общения, близкого к разговорному, говорящий руководствуется законом экономии речевых средств, общности апперцепционной базы участников речевого акта (в данном случае ‘автор – читатель’), что влечет за собой использование бессоюзной грамматической связи. Как известно, такая связь является преобладающей в сложных конструкциях с условными отношениями в современной разговорной речи. Следовательно, именно потребностями говорящего обусловлено употребление сложных бессоюзных предложений с условными отношениями частей типа ‘*А восхочешь болии – но до десяти (увеличь до десяти)*’ [ТТ, 576].

В ряде случаев вербальное выражение условной придаточной части без участия союза обуславливает целевая установка говорящего. Содержание главной части, не находящее эксплицитного выражения, вытекает из того, о чем говорится в придаточной части. Иными словами, говорящему важно подчеркнуть предполагаемое множество возможных миров, которые, трансформируясь в реальный мир, приведут к осуществлению положительных намерений субъекта действия, направленных на слушающего. Такая ситуация отчетливо проявляется в жанре нравоучения, в частности в произведении «Тайная Тайных», где, как уже отмечалось, нравоучения Аристотеля направлены к Александру Македонскому. Положительное состояние, которое в общих чертах вербально может быть выражено фразой «*было бы хорошо*», сопровождается условной придаточной частью, в которой дается предположительная характеристика послам, маршалку, военным. Облигаторной в данной части является наличие глагола в сослагательном наклонении, с помощью чего говорящий выражает предполагаемое действие характерологического плана, желательное для осуществления субъектом, о котором идет речь в высказывании, например: *да не приложил бы ни унял бы слово твоего, и мало бы говорил в поведаньях твоих, и остерегал бы ся опойства* [ТТ, 872]; *А да разумел бы, что смешиш, и умел бы отповедати на то* [ТТ, 572]; *Про то же бы не простирал руки своя ни на кого же от них, а был бы гордь никоторому им, ни соромотил бы их и ни словом, и расправлял бы судьбы их... и да мел бы ся*

ганбы их, и **был бы** ездок по чюжсим землям, и **видел** обычаи царьскыи, и **был бы** роду подобного его; и **смел бы** главу свою положить о чести государя своего [ТТ, 568]; И **стал бы** законоучитель твой и **рек бы** им твоим словом – а сам **бы стоял** тут же во смиренни великом [ТТ, 580].

Выводы

Употребление сложных конструкций с условными отношениями частей отмечается в произведениях народно-литературного типа языка как реализация разговорного стиля речи. Это могут быть разного рода рассуждения о возможных ситуациях, представленных в первой части конструкции с условно-предположительной семантикой. Сема предположительности передается в глаголе простого будущего времени. Выход из этой ситуации излагается в виде требования, продиктованного укладом времени, путем использования глагола в форме инфинитива. Такие конструкции характерны для «Домостроя»: *А пошлет Бог у кого дети, сынове и дщери, и имети попечение отцу и матери о чядех своих* [Д, 49].

Таким образом, благодаря целенаправленным установкам древнерусского автора в период XVI в. происходит становление гипотетической семантики, способной передавать возможные миры как альтернативные пространства бытия личности. Данные установки обуславливаются актуализацией личностного начала, характерного для данного периода.

Список литературы

1. Колесов В.В. История русского языка. – СПб: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2005. – С. 3–27.
2. Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 596 с.
3. ТТ – Тайная Тайных // Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 534–590.
4. Д – Домострой. – М.: Советская Россия, 1990. – 304 с.
5. ПИГр – «Послания» Ивана Грозного. – Погодинский список. – М.-Л.: АН СССР, 1951. – 715 с.
6. Н – Назиратель / Под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1973. – 710 с.
7. Соч.Ив. Пересв. – Сочинения Ивана Пересветова// Памятники литературы Древней Руси: Конец XV – первая половина XVI века. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 596–624.